

«Я пишу о себе. С некоторых пор меня это очень раздражает, но иначе я пока не умею. Стараюсь научиться с этим жить» – так говорит Екатерина Хиновкер – будущий врач, студентка Красноярского ГМУ. Помню, сколько сил и времени требует учёба на последних курсах мединститута. А Катя ещё работает медсестрой, ведёт СЛЭМы, руководит поэтической студией, выступает в конкурсах, читает лекции, прекрасно поёт и... пишет о себе. Тихо ей завидую (по-белому, конечно) и предлагаю вам самим познакомиться со стихами Екатерины.

Д. Л.

МАСЛИЧНАЯ ГОРА

Мы ляжем поближе к пальчикам Твоих ног,
Укрывшись корой.
Рой тех, кто не любит очередей.
Мы нервно лежим и лижем друг-друга и землю –
Кто не успеет отрыться, получит ли в давке для плоти кусочек Любви?
Крепнут бока у маслин, рвутся подземной тоской.
И птицы.
Но наши глазницы черней, потому что мы помним:
Чтобы забыть жизнь – человеку нужна другая
Чтобы забыть смерть

* * *

Мира мыла сортиры.
Сортиры драила Мира.
Она – гениальная пианистка – ладони
Два молодых листка.
Она ослепла, и ручья

Её превратились в крючья
Мы – правнучки бегали и кричали «Шайсе»

Старой еврейской немке.

«Не ной и утешься.
Не бойся любой работы.
Вот Мира в Сибири мыла
Общественные сортиры.
У нас тоже так было
А если бы мы как ты, тебя бы не было.

...

Такая азбука мира.»

И вот, подтирая задницы и пихая трубки
Незнакомым дементным бабкам в больничных палатах
В наследной сибирской ссылке
(С роялем как-то не очень, но всё-таки поэтесса)

Ною и тихо плачу.
Я не еврейская немка, у меня внутри всё смешалось и всё больное.

Они умирают, а я не хочу.
И нежить и жить не хочу.
Нет сил не хочу.

Такая азбука мира.

САЛАСПИЛС

«Зачем ты приехал, мальчик?» –
Скрипит под ногами месиво снежных хребтин
Позвонок к позвонку.

Даже пни расстрельного леса сменили корни.

Льдистый хруст тропинки-гравийки.
Визг стройки,
Смех губобелых детей
За стеной леса.

Злости нет.
Холодно.
Дома ждут.
Взять суп или кофе?

Очередь в тёплый туалет мемориала.
Думаешь о своей домашней беде.

Звон первого снега
О еловую тишину.
На каждой игле капля.дыханье.оборвыш.
А ты дышишь-дышишь-дышишь и тебе мало.

ЯГОДА

В глазах у тебя непривычно много тепла.
Сколько безумия
Ты
Выплакала?
Счастье теперь с тобой! Бог с тобой.

Подари сыну ложечку-крошечку на зубок,
Оберни воробьиной нежностью в три ряда.
Будь рядом.

Пусть засыпает.
«Баюшки, тёплый-живой,
Баюшки-баю».

Ты в молоко ему засыпаешь
Безумие – сладкую ягоду.

Пусть сосёт и катает во рту.
Подрастёт – раскусит.

ИД
(из несуществующего цикла «ЭТО ПРИДУМАЛИ ПСИХИАТРЫ»)

Если меня на тап-я разъять
Через скрипучее извивающееся

БлАЯаАтььь,
Буду я по отчеству «Скука».

Всё боль(ш/н)ое: человечно и привлекательно –
Сковырнёшь. и смеёшься, когда орёт –

Большая зелёная (по маминой линии) мука.

А я без неё
назло
Ни гу-ну, ни звука.

* * *

Запах утренней плесени
Умер хлеб

Вновь прикипело к ладони прикосновенье

Сколько потом ни три
Превратится в поле царапин
Прикипь и накипь

Пляшет и дышит в раковину
Утра'
'Та
(Раз-два-три
Раз-два-три
Тра-та-та
Тра
Та
Та
сбитое сердце стучит.
говорит пулемёт.)

С косточкой-язвочкой злости в ямочке рта.

Солнце мурлычет за шторой
Чайник поёт
В ранки солёным плюёт весенняя красота.

ЛОТ

1.

Лошадиный язык скребёт треугольник шеи.

След малиновый

От щеки до уха.

Тихо! Тихо!

Ты всё равно не сможешь ответить.

Так ты только извне меня разъедаешь –

Катишься в горло солёным потом.

Хорошо тебе? Хорошо?

Разрешаю сказать моим языком.

Моим шёпотом.

Не оглядывается Лот.

Распоротый рот обжигает ветер.

2.

Когда я плечами рву плёночку мёртвого моря,

Всё, что я выношу на берег, кроме печали, –

Соль.

В каждом сгибе,

В каждом моём отпечатке.

Я оглядываюсь назад

Замираю

Слизываю Тебя с лопаточки ногтя.

У ЗЕРКАЛА (черновик)

Встань у зеркала.
Разотри-разотри стекло
До жжения.
До отторжения отражения.

Сожми до красноты
Между ладоней лицо усталое и болезненное.

Какая смешная!
Какая смешная ты!

И бесполезная.

ЦВЕТОК

Точка в груди – вершина конуса –
Тянется в позвоночник.
Из-за свисающих с основания рук, головы и ног
Я – цветок.

Я прорастаю в себя –
Ногтями в пальцы, корнями в волосы.

Вижу ртом, слышу кожей.
Нету меня.
Совсем почти уже нет.
Но, Боже,
Какая ужасная
Жгучая
Загрудинная тяга к свету!

СПИСОК КОРАБЛЕЙ

Золотистое красное и прозрачное вязло на пальцах.
Щипало язык и глаза –
Не от запаха, от идеи.

От того, что не знаешь, что лучше – смерть или это.
И кого сильнее жалеть – тех, кто сдался

Или

Остался бороться. И сдался.

Или себя – спасителя-сопроводителя пыток.

Тем виднее, кто чувствовал-видел с чужого места.

Кто себя знал, помнил и видел только по чёрные локти работы.

На кого смотрели, не видели, путали, не узнавали.

Кто себя перестал узнавать за зрачками другого.

Кто касался внутри и снаружи.

Виднее.

Не легче.

Он знает:

Ни один из списков не будет прочитан,

Но важен список.

Имя – звёздочка в Яд Вашеме, ахейцы, данайцы, мемориальные плиты, архивы историй болезни.

Имя – дюйм на пластинке лунного ногтя,

Чтоб кто-то уснул спокойно –

Полнолунный, вневременный,

Объятый невидимых наблюдательных глаз руками,

На середине списка.

НАДЕЖДА

Песни без гласных

В липкое «никого».

Будто бежала и подвернула ноготь.

Будто дышала – воздухом подавилась.

Меня оторвали от дома вместе с руками.

Тихо-спокойно.

Ни телеграмм, ни пальцев.

Светит звезда знакомая

Разными именами.

Даже моим сверкнула –

Не сорвалась, не погасла.

Знаете, а могла бы.

Памятник – значит мёртвый.

АВГУСТ

(эюд)

Вот он какой на вкус

Свет.

Август.

Листья жёлты́ на звук.

Отмашка закручивать в голову-землю речные болты́.

Королек заводит жалобным ртом твою песенку пустоты:

Прию-ти, прию-ти, прию-ти.

Выдохни и пожалей,

Ты устанешь,

Бедный мой бедный, на зимней дороге.

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Сотри с моего лица губы отца,

Нос матери –

Так своего мало –

Едва для себя хватит,

А просишь тебе отдать.

Мало и твоего

На тебе́.

Взамен ничего не дашь.

Только безмолвие –

Баш на барыш.

Уши-то у тебя дедовы.

Слуш мя, а не слыш.

НЕЖНОСТЬ

Беззащитное в ракушечке рук

Тепло щёк.

Можно ли быть слабее

Ещё?

Соль чужого дня на сухой губе
И слюна
В ложбинке судьбы.

* * *

Его стихотворения – шаги
По тонкой нитке солнечного света
По воздуху

Сюда, канатоходец!

Смотрите! Бабочки к нему как вдохи!
Смотрите! Выдох – Божие коровки!

Он насекомый!
Невесомый
Вдох!

Он падает!
Хребтины берегите!
Упал и сдох.

Расквасился.
Как жалко.

«Пути Твои, другие аллилуйи»

Поперхнулся липким крылышком поцелуя.

МАЕТА

Так переваришь день в кишке одеял.
Зуд безлюбовный пережужешь.
Лампочку переглядишь.
Ночь передышишь.

Маешься, мальчик, маешься.
Свет – маешься.
Тьма – маешься.

Дрогнешь, мой маятник,
Дрогнешь, мой маленький,

И сломаешься.

Так переваришь день в кишке одеял.
Зуд безлюбивый пережуёшь.
Лампочку переглядишь.
Ночь передышишь.

УГОЛ

Если бы я могла
Влезть в перелом угла,
Стать остриём вовнутрь,
Угольную пыль
Вы-плю-нуть...

Я не могу.

КОМНАТА

У меня ужасно болит спина.
Иногда мне даже приходится спать на полу.
Моя комната – иглу,
Улиточный завиток.
Меня окружают стены и хочет убить потолок
Топотом детских ног.

Комната, но не Дом.
Дом, но не мой.

Сколько ещё мне здесь
Уживаться
С самой собой?

ПОСЛЕВКУСИЕ ТЕПЛА

Из бетонных стыков, угольчатых сочленений
Сочится тепло.

Медленно-медленно
Проступает испариной на запястьях стволов,

Преет на мусорных спинах, троллейбусных пятках,
Растворяется в радужных пятнах.

Тяжелее тяжёлого выдох:
По капле,
По капле –
Стремительный лёт.
Уже не вода, но ещё не лёд.
Не было бабьего лета.

Выкипает.
Отсыревает.
Холодно, будто бы не одета.

Снился сон.
Не вещей.

Бестелесная белым в загривок ужалит вода
Скоро
Станет полегче